

Эпоха перемен в зените.

– Гражданин Забелин?

В ответ растерянное:

– Да?

Большой город в европейской части России в конце девяностых. Асфальт на городских тротуарах, положенный десяток лет назад, непорочно стёрся. Ночного уличного освещения почти нет. Троллейбусов и трамваев, старых и грязных, так мало, что большинство горожан предпочитают ходить пешком. В недостатке прохожих улицы старого города нужды не испытывали даже тогда. Бесплодная суета. Завтрашнего дня боялись все. С сегодняшним все мирились.

Кроме суеты, а бизнес тоже был суетой, мало у кого были другие рецепты избежать висельной депрессии. Митинги отшумели, рок-н-ролл мёртв. Ни хлеба, ни зрелищ. Край треснувшего духовного корыта. Как обрести под ногами почву? Наш герой искал её в церкви. Он всё ещё инженерил на оборонном предприятии, худо-бедно, но сводил концы с концами и совсем не собирался окончательно расставаться с реальностью. Только чуть от неё отстранился. И только-только стал обретать новый смысл...

Как вдруг гром среди ясного неба:

– Вы задержаны по подозрению в двойном убийстве.

Так несколько замкнутого, но в целом адекватного человека, чуть старше тридцати лет, с широким кругозором и мировоззрением христианина-неофита, арестовали. Убиты его жена и её любовник. Мотив явный, алиби шаткое. После показаний нового свидетеля, который видел его в день убийства недалеко от места преступления, Сергея Забелина сажают. На суде даже адвокат был уверен, что он играет в неосознанку. Никто не обратил серьёзного внимания на его категорический отказ писать явку с повинной.

Строгая зона для отморожков, на которых не хватило доказательной базы до пожизненного заключения. Минимальный срок здесь двадцать лет. По УДО отсюда пока ещё никто не уходил. Наш герой здесь уже долгие годы. Христианские склонности давно стали убеждениями и продолжают крепнуть. Апелляций и ходатайств о помиловании он никогда не писал, с администрацией не сотрудничал. С сокамерниками также он почти не общается. В своём положении видит Божий промысел и даже находит своего рода гармонию.

В начале своего срока прилежнее других выкладывался на постройке часовни, переосвящённой впоследствии в храм. Следить в нём за чистотой и порядком – его дополнительная обязанность. По большим праздникам в храме служит литургии отец Игорь. Другие священнослужители в зоне не появляются. Батюшка суров, знает цену раскаянья урок. Никогда не улыбается. Одни сидельцы говорят, что он сам сидел по малолетству, другие – что служил во внутренних войсках, ещё в советские времена. И что после срочной службы ещё на несколько лет оставался охранять зону. У самого священника почти о каждом заключённом была точная информация из личных дел: за что, который раз, на сколько и сколько уже.

Подкупал свою паству отец Игорь яркими, захватывающими поведями. На исповеди же он очень редко вступал в разговоры с заключёнными. Старался выслушать их рефлексию молча. Ограничивался фразами: «Зачем врёшь?» и «Бог судья». Тем удивительнее было его обращение к нашему герою на восьмом уже году его заключения: «Долго будешь молчать о главном, Сергей?»

Сергей сразу понял, о чём спрашивает священник, и лютая неприязнь тронула его сердце. Он не искал сочувствия, но всё-таки был уязвлён. «Каюсь, – сказал он, – в неверии, в кромешном отчаянии и в ненависти к вам, сейчас нахлынуло».

Отец Игорь вздохнул и после фразы «Бог судья» прочитал над ним разрешительную молитву. Однако в следующий раз, спустя почти три месяца, задал Сергею тот же вопрос. В ответе теперь осталось только два пункта. В ненависти никто уже не каялся.

Суровый батюшка посуровел ещё больше.

– Были вы венчаны с супругой?

Не ожидая такого вопроса, Сергей молчал. Оба молчали. В итоге отец Игорь не допустил Сергея до причастия. Он ещё накануне решающей исповеди, после долгих молитвенных размышлений, положил себе сделать так: «Пока не раскаешься в главном, к чаше не подпущу».

Сергей раздавлен. Молящиеся вокруг ухмыляются. У большей части заключённых (конечно, не у блатных), отец Игорь в большом авторитете. В камере Сергея ждут непростые разговоры.

Примерно в то же время, в другой зоне режима менее строгого, к другому священнику после службы обращается администрация с просьбой исповедать умирающего в «кресте» (в «санчасти» на человеческом языке) зека.

– Это его право.

Медработник поставил диагноз «прободная язва». Может, и до полуночи не дотянет. Отец Вячеслав соглашается. Начальник зоны даёт этому урке самую нелестную характеристику и советует много времени на него не тратить. Рецидивист шестидесяти лет. Циничная гнида, ничего святого, чтит понятия, но, если его скотская натура потребует, перешагнёт и через них. Сидит за разбойное ограбление с пристрастием. У дряхлой пенсионерки утюгом выпытал, где она похоронные сбережения прячет. Если бы старушка скончалась, сидел бы в «Белом лебедь».

Умиравший урка страдал неподдельно. Периодически впадал в забытье. Синие пакши тряслись, из глаз катились крупные слёзы. После молитвы священник склонил ухо к лицу кающегося.

– Веришь ли?

– Теперь верю...

Преодолевая брезгливость, отец Вячеслав старался следить за нитью исповеди. Параллельно старался молиться за прощение вора и, как оказалось, насильника, растлителя и убийцы.

– Ещё одно, – шептал умирающий, – страдает за меня безвинный мужичок. Девять с лишком лет назад взял я квартиру богатую. Взял легко и чисто и веселый шёл уже по подъезду вниз, как слышу – кто-то поднимается, быстро так. Вот-вот столкнёмся взглядами. А вдруг хозяин взятой квартиры? Убивать не хотел, но шабер вынул. И машинально так, возьми и дёрни ближайшую к себе дверь. И она поддалась...

Пару минут зек скулил от боли.

– Внутри музыка, пыхтенье за стенкой, пьяный женский смех... Потом вышел голый мужик, помладше меня, близорукий, с залысиной и поддатый. Я его тихо так на лезвие надел, он не пикнул. Потом и бабу. От одной крови ушёл с лестничной площадки, другую нашёл. Красивая была баба, еле сдержался... Такая была красивая, что и мёртвую можно было бы... Будь времени побольше.

– Это не раскаянье!

– Знаю, отец... Прости... – И опять зек скрежетал зубами и сгибал в коленях худющие ноги. – Не приняли меня тогда ни за квартиру, ни за трупы. Похоже, и не искали. Знаю, что мужа той бабы посадили. Она с любовником была на съёмной квартире. Вот и впаяли ему, недолго разбираясь... Каюсь... Отпусти грехи, отец! Сдохну скоро.... А лоха того жалко, из шибко верующих он был, я так понял.

Отец Вячеслав был потрясён, хотел спросить: где сидит тот лох, как зовут? Но сдержался. Порычав ещё с минуту, рецидивист добавил:

– В жизнь бы так никому не сознался. А теперь не боюсь. Ты же не вложишь. Ты же адвокат мой перед вышним прокурором. Отпусти грехи, отец!

Еле справляясь с собой, священник прочёл молитву, дал разбойнику святых даров, соборовал и оставил его умирать.

Тайна исповеди мешала отцу Вячеславу активно приступить к выяснению деталей. И хотя эта история не выходила из его головы, он только через месяц, пятого июля, позвонил начальнику зоны поздравить его с днём ангела и невзначай поинтересовался, как отошёл к Господу тот зек, которого он исповедовал в кресте.

– Вы, отец Вячеслав, наверное, чудотворец. Зек тот никуда не отошёл, а на поправку после ваших молитв пошёл. Два дня он у нас зубами скрипел и бредил. Потом мы в область его отправили. Ждём, но оттуда пока не звонят. Значит, оклемалась, гнида.

Священник понял, что выяснять детали исповеди в ближайшее время нельзя...

Скоро жена начальника зоны позвонила отцу Вячеславу. Подобострастно она рассыпалась уверениями в своей вере, в своей преданности Христу и в своём восхищении тем чудом, которое было совершено над умирающим разбойником. Врачи в области просто шокированы. Первоначальный диагноз подтвердился сразу, но язва зарубцевалась! Отец Вячеслав чуть не обругал эту женщину, так неприятны были ему её льстивые комплименты и неуместное восхищение сомнительным чудом. В конце концов она попросила освятить их жилище, ну, и помолиться за внуков-близнецов. Священник дал слово выполнить её просьбу.

После телефонного разговора в душе отца Вячеслава сами собой подбирались слова новой молитвы, и ему стоило больших усилий не произносить их. Если бы урка, как сказал бы Булгаков, «с такой страшной фамилией» Голокость сдох, священник без особенного труда, как ему казалось, смог бы прояснить обстоятельства двойного убийства, за которое сидит уже долгие годы невинный. И вдруг – чудо. Зачем, Господи? Пока рецидивист жив, тайна исповеди будет руководить поступками отца Вячеслава.

* * *

Три года провёл Сергей Забелин без причастия. Даже не пытался подойти к исповеди. И общественность, и администрация заметили конфликт с отцом Игорем. На вопросы оперативного работника Василия Васильевича священник отвечал уклончиво, метафорами, цитатами из Писания. Кум сделал вывод – какой-то богословский спор. Сергей же вообще ничего не отвечал. Никому.

На святую Пасху 2010 года, приняв исповедь у одного из зеков, отец Игорь попросил того позвать к себе Сергея Забелина.

– Стань в очередь, Сергей, – сказал священник примирительным тоном и благословил его.

Когда очередь подошла, Сергей повернулся, чтобы поклониться другим верующим, но позади себя никого не увидел. Только у самых дверей стоял кум с ещё одним подполковником, и оба с интересом смотрели в его сторону. Сергей поклонился им.

Закончив исповедь, Сергей ждал вопроса о главном. Но вместо этого услышал: «Бог судья». Колени сами подогнулись, и вот епитрахиль pokryla его голову, и потекли слова разрешительной молитвы.

* * *

Уже три года отец Вячеслав мучился неразрешимой дилеммой. И мысль о далёком безвинном сидельце читалась в его лице, и незыблемость тайны исповеди ни на минуту не ставилась им под сомнение. Между тем чудесно выздоровевший рецидивист вернулся в места заключения. Отец Вячеслав пару раз издали видел взгляд этой смертельно раненной ехидны, злой и трусливый. Сказать про него «отталкивающий» – значит, ничего не сказать. Урка явно был нездоров. Передвигался с усилием. Поймав взгляд отца Вячеслава, жалко так ухмыльнулся.

«Господи! – пронеслось в голове отца Вячеслава. – Ты один знаешь, что такое настоящая милость. Будь милостив к нам, грешным!»

– Аминь, – неслышно добавил ангел.

После освящения дома начальника зоны отец Вячеслав стал другом всего семейства Геннадия Николаевича, хотя сначала и тяготился этим. Сам товарищ полковник с глаза на глаз зачастую переходил с ним «на ты». Он оставался атеистом, но любил послушать о духовном. По воскресеньям Геннадий Николаевич лично привозил в тот городской храм, где служил отец Вячеслав, жену и внуков близнецов. Всё располагало задать ему мучивший священника вопрос, но батюшка не спешил, точнее, не смел. Бывало, после службы ехали перекусить к отцу Вячеславу в его маленький домик. Внуки начальника зоны играли с внучками священника, взрослые вели пасторальные разговоры за чаем. Поздней осенью отец Вячеслав обвенчал этих немолодых людей, которые давно уже сыграли серебряную свадьбу.

Зимой, спустя несколько дней после Рождества, Геннадий Николаевич встретил выходявшего из городского храма после вечерни отца Вячеслава. Мороз был крепкий.

– Что-то случилось?

– Да как сказать, у нас ничего, а вот в «Сухом Остроге» случилось. Сядем в машину.

«Сухой Острог» – это известный лагерь на Урале. После рождественской службы там помешавшийся заключённый захватил в заложники местного батюшку. Детали пока неизвестны, но батюшка в реанимации, зек ликвидирован. Пятно на всю систему исправительных учреждений. Приказ министерства – ограничить, усилить, обеспечить, сократить и прочее. Негласный приказ: не допускать контактов священнослужителей и заключённых без разделительного ограждения.

– Будем решётки ставить в храме. Не выполнить приказ не могу. Вот посоветоваться приехал. Без вас не разберёмся, что ограждать.

– Ну, знаете, Геннадий Николаевич! Кто же вам позволит? Где это видано? Как же епитрахиль на голову исповедника класть? Как святые дары через решётку давать?

– Как гиенам в зоопарке мясо дают? – взревел Геннадий Николаевич. – Давайте думать! Что сможем улучшить – улучшим, обещаю. По-другому никак. Хотели вообще мораторий на пару лет ввести. Ограничились решётками. Министр с патриархом встречался, соглашение достигнуто, и на днях будет обращение Синода к тюремному клиру. Так вот.

Отец Вячеслав горестно стих.

Расставаясь, Геннадий Николаевич неожиданно сказал:

– Голокость вам искреннее почтение передавал. Но очень просил с ним встреч не искать, опасается, что приличное камерное общество его не поймёт и за встречу с вами осудит. Я же говорил, гнида. Вы над ним такое чудо совершили, а он...

– Бред. Если и было чудо, то без меня, – отец Вячеслав перекрестился вспотевшими пальцами. – От меня ему ничего не передавайте.

– Как-то не по-христиански...

Начальник зоны смотрел в глаза священника и, загадочно улыбаясь, чего-то ждал.

– Передайте моё благословение супруге. Над планом ограждения я подумаю. Полтора метра высоты хватит?

– Два с половиной.

На следующий день отец Вячеслав действительно прочитал во внутрицерковной сети обтекаемое обращение Священного синода к пастырям

тюремных храмов с разъяснениями. Церковь не хотела рисковать жизнями своих служителей и душами несчастных заключённых, подверженных отчаянию и способных на неисправимые новые преступления. Поэтому Священный синод рекомендовал священству проявлять осторожность и бдительность и в тех тюремных приходах, где процент безрассудных заключённых особенно велик, прибегать к крайним мерам, то есть к установке разделительных конструкций. При этом ни один храм не должен закрыться. Окончательное решение вопроса – быть или не быть ограждениям – оставляется за настоятелями. Любому решению осуждения не будет.

– Осуждения не будет, – говорил в телефон Геннадий Николаевич, – если новых захватов не будет. А наш контингент вы знаете не хуже меня. В четвёртом отряде – слышали? – сатанист, убивший в Казани муллу, появился. А в первом недоказанный людоед. Нечего думать, надо ставить. Сделаем красивые кованые решётки с соответствующим месту орнаментом. Только скажите, куда лучше поставить.

* * *

– Два с половиной года решёточки в запасном приделе простояли! Теперь кум своей теще на дачу спишет, ха-ха-ха....

Забелин слушал сокамерника вполуха и думал только, как не поцарапать разбойника Дисмаса непригодившимися решётками.

– Тяжёлые.

– Под ноги смотри, ступени.

– Вот отец Игорь не устрасился нас. Насколько я знаю, почти во всех лагерях в храмах решётки поставили после убийства батюшки на Урале. А он не дал. Вот человек, вот сила. И болезни своей не боится, и, дай Бог, победит и её.

Забелин не подал вида, но вспомнил, что ещё на Пасху отец Игорь показался ему утомлённым сверх меры. А на рождество Иоанна Предтечи, когда он прервал проповедь, буквально показался больным.

– Похоже, что он сильно болен.

– Профессор, который с кумом чай пьёт, уверен, это онкология. Точно не знает, кум на расспросы не повёлся, но по внешнему виду похоже, что курс химиотерапии в самой середине. Тебе отец Игорь ничего не говорил?

– Не-ет...

– Примирились вы с ним? Покаялся в главном?

– Откуда знаешь?

– Ха, я два года тоже хвостом крутил. Каялся в том, что курить бросить не могу, что матерюсь, в карты играю, украсть могу, в онанизме, как в самом тяжком грехе, каялся... А он однажды спросил о главном: о том, как я дочку утопил с подружкой её. «Да вы что, – кричу ему, – не я, не я! Вымудрили доказательства! Улики косвенные! Зазря я тут». А он, как святой с иконы, глянул мне внутрь и говорит: «Богу не нужны улики». Хотел я отшатнуться и почувствовал, что он мне на ногу наступил. Крепко так. «От кого бежать хочешь, Александр?» Смешно сейчас вспоминать. Ха...

– Раскаялся?

– Ну да. Как он следующий раз приехал служить, коленопреклоненно, со слезьми и стенаньями во всём покаялся! Как все.

– Что значит «как все»?

– Так все упорствуют, никто в своём зле быстро не каётся. Кто год, кто два, кто больше, как ты. Не хотят люди себя признавать теми, кто они есть, или просто боятся. И я боялся, как все. Боялся, что он куму сдаст, а тот постарается срок добавить на всю катушку. Но не таков отец Игорь. Ему в таких грехах каялись, два пожизненных можно было бы получить, а он никого не вложил.

Непонятное пограничное чувство копилось в Забелине. То ли разочарование, то ли восхищение.

– Были и такие, что ваньку перед ним валяли. Для забавы выдумывали страсти кровавые и на исповеди лили перед ним крокодильи слёзы. Так отец Игорь одного такого скомороха взащей от аналоя гнал, вертухаи насилу его спасли от праведного гнева, ха...

– Это я видел и в прострации был, не понимал, что происходит!

– Духовное у отца Игоря зрение! Скорее всего, он святой! Так что не выёживайся, брат, облегчи душу. Вот увидишь, насколько свободней станет дышать, насколько время потечёт быстрее. Много там ещё решёток?

* * *

Отец Вячеслав ликовал. Наконец-то из храма выносили ограждения, которые он спроектировал два с половиной года назад. За это время у него заметно прибавилось в бороде седины. Многие заключённые увидели в решётках лишнее над собой глумление и перестали посещать храм. В глазах оставшихся погасло доверие, погасла надежда. Отец Вячеслав не узнавал никого, почти все недавно осуждённые. Полтора десятка бессмысленных, голодных, озлобленных взглядов исподлобья следили за его движениями и внушали ему тревогу. Он стыдился своего малодушия, стыдился видеть их такими, какими они были на самом деле, и болезненно переживал каждую службу. В доверительной беседе с уезжающим на повышение Геннадием Николаевичем отец Вячеслав увлёкся описанием этих взглядов, а он возьми и добавь:

– И в каждом из них вам мерещится Костиков взгляд.

– Что вы под этим подразумеваете?

– Костик – это «кличка поганая» заключённого по фамилии Голокость.

– Ой, да. И правда, мерещится.

– Трудно представить себе что-то более мерзкое.

Отец Вячеслав спорить не стал.

– Теперь вы с этим типом вряд ли встретитесь.

Священник продолжал молчать, но весь обратился в еле скрываемое внимание. Естественно, начальник это заметил. Улыбаясь, товарищ полковник рассказал, что эта гнида поехала в «санаторий». В особую зону для смертельно больных. Отец Вячеслав уже видел эту улыбку.

– Туберкулёз позвоночника. Если вы молитесь за него не будете, то до конца срока он точно не доживёт. Хотя по медицинскому заключению протянуть он ещё может лет пять, а то и семь. Смотря чем кормить будут.

– Семь лет? – ужаснулся шёпотом священник.

– Отче Вячеславе, – Геннадий Николаевич решил оставить недомолвки и заговорить открыто, – сдаётся мне, что я мог бы быть вам полезен, если бы вы объяснили мне, в чём дело. Я давно приметил...

– И очень прискорбно, что заметили. – Голос отца Вячеслава стал твёрдым, не терпящим возражений. – Я не могу, и не будем продолжать.

– Тайна исповеди?

В это время отъехали в сторону ворот КПП, и в их проёме показалась большая чёрная машина.

– А вот и ваш преемник. Пойдёмте, познакомите.

– Пойдёмте, пойдёмте, – и через несколько шагов добавил: – как Костик ласты склеит, я вам сообщу.

И вот уже полковник обнимается с меняющим его сослуживцем, дружба с которым началась ещё в окрестностях Грозного весной 1996 года.

* * *

После того как вынесли из неиспользуемого придела ограды, одну только службу отслужил отец Игорь в храме святых апостолов Петра и Павла. Болезнь его бросалась в глаза всем присутствующим, шила в мешке не утаишь. Острым лезвием она стояла в нём от горла до желудка и делала мучительным даже глубокий вздох. Но служба на всём протяжении оставалась торжественной и неспешной, и каждое слово в тесных приделах звучало отчётливо и возвышенно. Глаза отца Игоря сверлили приступавших к исповеди. И те без слов понимали, какие мелочи пытаются выдать за что-то важное, за что-то значимое. Сергею он не сказал в тот день «Бог судья». Он сказал ему: «Бог простит» и после молитвы добавил, что долго не верил в его невиновность, за что просит теперь прощение. «Награда не минует тебя, чадо. Потерпи».

Нет таких слов, которыми можно было бы описать состояние Сергея. Он готов был терпеть. И понимал, за что он терпит и для чего. Никто из причастников в тот день не слышал того прекрасного хора ангелов, что слышал Сергей.

Потом долго не было служб в этом храме. На Рождество у царских врат его стоял иеромонах отец Донат из ближайшего монастыря. После службы в проповеди он объявил, что отец Игорь после сложной операции идёт на поправку и просит ваших молитв.

Отслужили молебен, и только после этого молебна православные мужики, тужившие об отце Игоре, прониклись доверием к отцу Донату.

Не понятно как, но он сумел договориться с администрацией, и службы стали проходить гораздо чаще. Подобрал новых певчих и к осени научил их петь на греческий манер. Кум заслушивался и хвалил отца Доната. Удивительно, но в число певчих вошли несколько голосов из администрации. Жизнь верующих сидельцев потекла быстрее и легче. Сергей и не заметил, как пролетели ещё одна весна и ещё одно лето. Как-то в сентябре, после обеденного принятия пищи, конвоир выкрикнул его имя.

– Кум хочет с Исусиком поболтать, – сострил один из блатных.

– Кум уже не кум, – добавил другой, – он теперь хозяин. Батя. Повысили.

Забелин ничего не знал об этих изменениях и неожиданно для себя заволновался. В доступной немногим комнате для свиданий, к великой радости, его ждал отец Игорь, изрядно бледный, но улыбающийся. После благословения уселись друг против друга. Поговорив о здоровье, погоде, родственниках и бытовых условиях, отец Игорь заговорил о важном.

– Я сумел получить из архива твоё уголовное дело, Василий Васильевич помог. Он теперь начальник и многое может. Сто процентов, если бы ты в своё время написал апелляцию, дело бы отправили на следствие. За результат не поручусь, но то, что оно притянута за уши, факт. Сейчас время не очень удачное, слишком много его утекло. Но шанс есть. В день убийства в том же подъезде было совершено ещё одно преступление, квартирная кража на значительную сумму. Мне кажется, какому-то домушнику просто свезло. Он забрался в квартиру отчима одного предпринимателя вашего города. И вместо нескольких тысяч нашёл там несколько миллионов. Предпринимателя пресловула местная ОПГ. В 98-м году, после дефолта, он сделал вид, что всё потерял, а сам прятал деньги в квартире приёмного отца и от бандитов, и от налоговиков, и от компаньонов. Может, и прокатило бы, если бы не блатной вор-домушник. Решив, что кража дело рук ОПГ и что вслед за ней последует его устранение, коммерсант, ни о чём не заявляя в милицию, скрылся. Братва нашла его спустя пару лет, когда ты уже отбывал срок. Тогда он и обратился к силовикам, тогда-то и всплыла квартирная кража в том злосчастном подъезде, которую никому и в голову не пришлось связать с убийством твоей жены. Ты мне так и не ответил, были вы с ней венчаны?

– Да.

– Молись за неё, каждый день молись. Как её имя?

– Анастасия.

Отец Игорь перекрестился и продолжил:

– Трудно сказать как, но как-то несчастные любовники оказались на пути того рецидивиста, что совершил кражу. Думаю, не желая потерять баснословные для него деньги, он и порешил случайных свидетелей. И как назло, тебя кто-то видел в тот день в том районе. Дьявол изобретателен. И вот ты здесь шестнадцатый год.

Сергей молчал, свесив голову, не радуясь и не печальясь. «Что дальше?» – думал он.

– Я скопировал и сшил какие смог документы. Сейчас их смотрит Василий Васильевич, очень рассчитываю на его совет. Останавливаться нельзя, только бы здоровье не подкачало.

– Всё это, – махнул рукой Забелин, – умозрительная версия. Не стоит вам заниматься этим, отче. Я буду ждать сколько потребуется. Осталось-то всего семь лет.

– Я лучше знаю, что мне стоит делать. А ты молись и жди. Если понадобится, Василий Васильевич пришлёт за тобой. Пора прощаться.

Отец Игорь благословил Забелина и хотел уже нажать кнопку вызова конвоира, как Сергей спросил его:

– Вы в армии во внутренних войсках служили?

Улыбнувшись, священник ответил:

– Ну да, служил. В Москве. В пожарной части рядом с метро «Динамо».

* * *

Семидесятилетний, всегда благодушный и неподдельно светлый епископ Аркадий заговорил неожиданно сдержанно и местами даже сухо. Рассказ отца Вячеслава и его прошение назвал безумием. Одно то, что кто-то заметил, что тот после исповеди этого разбойника потерял равновесие, уже есть нарушение тайны исповеди. Никто не осудит

епископа, если он выведет отца Вячеслава за штат и даже запретит в служении.

– В юности много детективов читал?

– Совсем не читал.

– Сколько же ты носишь в себе эту историю?

– Уже одиннадцатый год мучаюсь.

– Вот и не оставляй мучения своего! Молись за далёкого безвинного страдальца. Не ты его, а он твой спасательный круг. Не ищи боле справедливости для него, проси для него милости у Бога. Не сомневайся, не во вред ему сие испытание, и не зря. В храме своём, принимая покаяние, ни улыбкой, ни бровью своего личного отношения к сказанному не обнажай. Как седовласому, но семинаристу, напоминаю тебе: так же, как осуждение, и оправдание в руках Бога, не в наших.

Отчего заболело сердце у отца Вячеслава? Тротуарная плитка рисовала в его глазах замысловатые геометрические фигуры. Рано в этом году сошёл снег. Он и не заметил, как дошёл до своей автобусной остановки. Только здесь отец Вячеслав вернулся к реальности, вынул из кармана и включил телефон. Один пропущенный вызов: Геннадий Николаевич, 14:10. Они не виделись больше двух недель, две воскресные службы пропустила его семья. «Сейчас узнаем, почему», – подумал отец Вячеслав. И действительно, телефон завибрировал, экран засветился, и в его центре была надпись: «Геннадий Николаевич».

– Доброго дня, отец Вячеслав! Как здоровье?

– Слава Богу, жаловаться грех.

– У вас вечером служба?

– Сегодня нет.

– Тогда ждите в гости, есть что рассказать.

– Сделайте милость, буду ждать с нетерпением.

* * *

После обнадёживающего разговора с отцом Игорем Сергей Забелин стал, как самому ему казалось, слишком часто думать о жизни на свободе. И даже мечтать о ней. Он слышал, что на воле за шестнадцать лет всё сильно изменилось. Что у каждой семьи по две машины, что у каждого, даже у детей, мобильный телефон. И в каждом телефоне телевизор. И все пялятся в них, и молодые, и старые, и на улице, и в транспорте, и на работе, везде. Все в наушниках. Все разговаривают с невидимыми собеседниками, как будто сами с собой. До того как забрезжил свет освобождения, Забелин слышал такие рассказы, но не внимал им, не придавал значения. Теперь стал бояться: а найдётся ли ему место на этих улицах? Ведь у него ни прав, ни телефона. И всё равно его тянуло к мыслям о них. И как результат – обмелела тайная умственная молитва, испортился сон, минуты стали тянуться, как дни, а дни – как недели. Пальцы стали опять попадать под иглы швейной машинки, один раз на переключке не отозвался.

Легко сказать – возьми себя в руки. Легко сказать – не думай об этом. Опасные мысли, как недуг, который приходит откуда не знаем. Главное, согласиться в себе с тем, что это недуг, что это надо лечить. Забелин всё осознал и, как лекарства, приносящего облегчение, стал ждать очередную службу.

Отец Донат старался, но уступал всё же отцу Игорю в торжественности. Многие православные заключённые с упоением вспоминали

его дикцию, его тембр. По их слову, строже была служба, пробирала и жгла, стыдила. А у отца Доната проникновеннее и душевнее. Но ведь не женская у нас зона! И покаяние у своих прихожан отец Донат принимал по-другому. Никого от аналоя не гнал, почти с каждым беседовал, давал советы. Разве с нами так можно? Распояшемся. Выслушав Сергея, отец Донат скороговоркой прочитал какую-то молитву, перекрестился и сказал:

– Не бойся думать о долгожданной свободе. Свобода – наше естественное состояние. Только думай о ней как об объятиях матери, а не как о свидании с любовницей.

Вообще отец Донат сначала хотел сравнить свободу с объятиями законной супруги. Но, вспомнив, как все уголовники чтут образ матери, вовремя перестроил свою фразу. По отношению к Забелину это было, конечно же, милосердно.

* * *

В шесть вечера автомобиль Геннадия Николаевича припарковался у дома отца Вячеслава. После приветствия обнялись, уселись за стол. Матушка приготовила чай, варенье, баранки и оставила их один на один. Батюшка сразу поинтересовался, где домашние Геннадия Николаевича прячутся, две воскресных службы прогуляли.

– Не болеют?

– Упаси Бог! Ещё не хватало. Поэтому и не приезжали к вам в воскресенье, что боялись заболеть. Новый грипп гуляет в городе. Не слышали? То ли свиной, то ли говяжий. Полгорода слегло. Очень заразный.

– Про птичий слышал...

– Птичий в позапрошлом году был, в этом новый – свиной. Моя супруга паникёрша и трусиха в таких делах, сама из дома ни на шаг и детей никуда, ни ногой. Вот и всё объяснение.

– Может, и правильно насчёт школы и рынка, но не насчёт храма.

– Я слышал, у ладана бактерицидные свойства сильные. Вы уж его сейчас не экономьте. В следующее воскресенье всех привезу.

– Договорились.

Геннадий Николаевич громко вздохнул, как будто сказал: «...а теперь самое интересное».

– Я вам кое-что обещал.

Отец Вячеслав сразу понял, о чём пойдёт речь.

– Скончался?

– Представьте себе! Семи лет не потребовалось. Подложили к нему в санаторий совершенно случайно такую же свинью, как он сам, – товарищ полковник жадно сделал большой плоток душистого крепкого чая, – которой он задолжал ещё со второй своей ходки. То есть подельника его, которого он в своё время сдал с потрохами на двенадцать лет. А сам отделался тогда четырьмя. Вся жизнь Голокость этой встречи боялся. В их среде с этим строго. Поэтому и гастролировал по всему СССР и потом по всей России. Но от судьбы не ушёл. Настигла его заточка единомышленника.

Геннадий Николаевич от своего рассказа явно получал большое удовольствие.

– Вы свободны, отец Вячеслав, – закончил он победно и совершенно серьёзно.

Священник поднял глаза. В дальней комнате старшая внучка пыталась наиграть на пианино старинный романс. Бабушка помогала ей.

Отцу Вячеславу в такой обстановке было трудно сосредоточиться, но он решил не откладывать. С первых же слов Геннадий Николаевич помрачнел. Потом в его лице появилось что-то ироничное. Потом опять помрачнел.

– Что же вы натворили, отец Вячеслав...

Холодок прошёл по спине священника от этих слов.

– Вы хоть в каком году это произошло, знаете точно? Имя оклеветанного стечением обстоятельств? Какой срок ему дали? В каком городе хоть было убийство? Кому вы собирались помочь? И как? Ни письменных показаний, ни свидетелей вашей беседы. Ничего. Кто вам, кроме меня, поверит? Может, вы выдумали всё.

– Я мог бы всё подтвердить под присягой.

– Много кто чего мог бы подтвердить под присягой. Суд не богадельня. Вовремя надо было сообщить, пока эта Гнидокость жива была. Всё бы из него вытрясли. Теперь поздно.

Я ехала домой,

– доносился голос матушки Софьи и немного фальшивые звуки пианино.

Скоро негодование Геннадия Николаевича исчерпалось. Он успокоился, и разговор вернулся в спокойное русло. Отец Вячеслав не мог поверить, что ничего нельзя сделать. Постарался ещё раз, более детально пересказать давно отзвучавшую исповедь уголовного.

– Не за что уцепиться. Совсем не за что.

– Поднять старые дела не получится?

– По всей стране? Я вас умоляю.

– Может, интернет?

Чем дальше они вели разговор, тем отчётливее Геннадий Николаевич понимал, что перспектив нет. Что душевное томление, недавнее отца Вячеслава столько лет, не исцелить. И напрасно он надеялся исправить судьбу далёкого, безвинного лоха. Кстати, может, тот уж давно отсидел, сколько лет-то прошло.

– Встретимся в воскресенье, – говорил Геннадий Николаевич при расставании, – я ещё подумаю. Но вряд ли что-то можно сделать. Не мне давать вам советы, но вам надо смириться. Знаете, как у нас говорят: наказания без вины не бывает.

– У нас тоже так говорят.

– Вот! Может, чем-то ещё этот страдалец Бога прогневил. А мы с вами, что могли, для него сделали.

Никогда раньше полковник не просил благословения у отца Вячеслава, а сегодня, сложив перед ним ладони, сильно его удивил.

Священник радостно улыбнулся.

И уже на пороге он спросил:

– Геннадий Николаевич, вы сказали – «совершенно случайно»?

– Абсолютно! – ответил тот, даже не уточнив, про что был вопрос.

* * *

Василий Васильевич очень долго не вызывал к себе Забелина. Сомневался. Но не в том, что Забелин невиновен, а в том, как его собственные действия будут выглядеть со стороны. С доводами отца Игоря спорить не хотелось, хотелось им довериться. Но ведь все они чистая

лирика, железных аргументов нет. И пусть ярославские коллеги частично признали, что упрятали Забелина за решётку без весомых доказательств. Но в том же письме они намекнули, что и освободить его без весомых доказательств не стоит. Что сделано, то сделано. Опять же свидетельница Иванова, кондуктор трамвая, дала показания, как нервно в тот день Забелин отсчитывал мелочь, войдя в салон с остановки в квартале от места преступления.

– Нужен хороший адвокат, – говорил Василий Васильевич отцу Игорю, который второй раз уже выписался из больницы, – я об УДО ходатайствовать не буду, не в наших традициях. Да и сами вы говорили, что надо добиваться полного оправдания, что надо добиваться пересмотра дела, нового суда. И поговорите с Забелиным о свидетельнице Ивановой. Как на неё следствие вышло? Почему она его запомнила? Странно.

Найти хорошего адвоката оказалось делом непростым. Многие умышленно не понимали, чего от них хотят. Учитывая, что решительную часть срока Забелин отбыл примерно, без единого конфликта с администрацией, вытащить его из застенков не представляло труда. Но речь шла о восстановлении его доброго имени. О признании неправомерным решение суда. И, естественно, все, к кому обращались и Василий Васильевич, и отец Игорь, под благовидными предложениями увиливали. Отец Игорь уже просил в молитвах какого-нибудь, какого угодно, как вдруг с ним связался молодой человек с одиозной фамилией.

– Максим Новодворский, – представился он при встрече.

Василий Васильевич предположил, что этот юнец хочет попасть в хроники радио «Свобода». Общаться с ним отказался наотрез и предупредил отца Игоря:

– Замечу хоть намёк в его действиях на дискредитацию строя, отправлю Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ! Мне мои погоны не жмут.

Между тем тридцатитрёхлетний Максим Вениаминович признавался отцу Игорю, что его фамилия – его проклятие. Кроме неё, не было других причин выживать его из прокуратуры. Жил как все, платил ипотеку как все, работал как все. Но никто не хотел видеть его своим заместителем. Вот и свободное плавание. Отец Игорь поговорил с ним о религиозных предпочтениях, и опять всё как у всех. Крещён в православии, венчанный, пару раз в год в храме бывает. Отец Игорь колебался, но решил благословить Максима Вениаминовича, чем тот был очень воодушевлён.

Ознакомившись со скудными материалами дела, имеющимися в его распоряжении, не приуныл, а заказал встречу с заключённым Забелиным. В ходе которой адвокат был очень удивлён тем, что виновник разбирательства вовсе и не настаивает на возвращении ему доброго имени. Загадочно прозвучала его фраза:

– Ничего доброго в моём имени нет.

В отведённой для их встречи камере было плохое освещение. Что-то адвокат записывал в ежедневник, что-то на диктофон в смартфоне. Забелин догадался, что это и есть тот самый телефон с телевизором и ещё с магнитофоном.

– Чего же вы хотите от возобновления дела?

– Правильнее будет сказать, чего не хочу. Не хочу отца Игоря расстраивать. Святой человек, такое участие принял в моей судьбе. Я просто обязан выбраться отсюда.

– Сергей Витальевич, – немного помолчав, опять заговорил адвокат, – вы были знакомы со свидетельницей Ивановой?

– Нет, но, кажется, я догадываюсь, кто это был.

Адвокат не пытался скрыть своего интереса.

Забелин рассказал, что ещё на суде пытался оспорить слова свидетельницы. Он был в том районе днём раньше и в трамвае рассыпал мелочь днём раньше. Но Иванова настаивала, и суд внял ей. Приезжал он в тот район по просьбе старой знакомой, с которой у него за пять лет до свадьбы была краткосрочная связь.

– Какое гадкое слово: «связь».

Звали знакомую Надя Иванова. Студентка университета, красавица с претензией на исключительность, интеллектуалка, рвалась в Москву, мечтала о богемном обществе. Уже на первом свидании были близкие отношения.

– Секс?

Забелин тяжело вздохнул, читай: «да».

На третьем свидании она сказала ему, что ни к кому не проникалась таким глубоким чувством и это её пугает. Четвёртого свидания не было. Забелин уже в заключении вспомнил, как в перерыве между утками Надя рассказывала ему о своём отце, несостоявшемся писателе. От него осталась одна толстая рукопись, и Надя обязана её опубликовать, чего бы это ни стоило. А о маме упомянула вскользь, обычная домохозяйка, пенсионерка, работает ещё кондуктором.

– Так зачем Надя позвала вас спустя восемь лет?

Забелин продолжил. Он не догадывался, о чём пойдёт речь при встрече. В телефонном звонке на работу она просила помочь, но не уточняла, в чём. Возобновления связи он не хотел и боялся. Он же обвенчан. Надя тепло и радостно встретила Забелина, между слов сквозило раскаянье, в словах надежда. В Надиной комнате Сергея ошарашили два его достаточно больших фотопортрета. Он и она. Она и он.

– Зачем тебе это? – Сергей засомневался в её здравомыслии.

– Это не мне. Дочь должна знать своего отца.

В браке у него третий год нет детей, а здесь растёт его дочь. Забелин был в ступоре. Надя не просила вернуться, просто плакала. Она понимала, что падшие женщины не достойны таких, как он. Таких безупречных. Ещё много чего комплиментарного говорила, а в итоге попросила дать дочери свою фамилию. Вот и вся её просьба. Она упала на колени. Ребёнок должен знать. Посмотри, как она на тебя похожа. И тому подобное.

– Вы ей отказали?

– Безмолвно я слушал её минут десять. Вычислял. Всё сходилось. О, как тяжело мне было оттолкнуть её и уйти. В ушах ещё долго стояли её плач и мои шаги.

– Вы боялись, что она врёт и это не ваш ребёнок? Не хотели неизвестно кому платить алименты?

– Мне стыдно её очернять, но поводов так думать было достаточно.

– Сколько после этого вы оставались на свободе?

– Двадцать три часа.

– Мне придётся слетать в Ярославль, уточнить всё на месте. Главное, как следствие на свидетельницу вышло?

– У меня было много времени подумать об этом. Ничего сложного, скорее всего. Оперативники искали свидетелей, показывали мои фото в близлежащих ларьках, палатках, в транспорте. Она же видела мои

фотопортреты у дочери в комнате. Наверно, и нафантазировала себе несчастную мелодраму, где я в роли похитителя девственности и счастья её дочки.

– И вдруг представился такой случай отомстить, – продолжил Новодворский. – Логично. А почему вы на суде не предположили, что это мать Нади?

– И в голову не приходило! Мало ли на Руси Ивановых!

* * *

Незадолго до смерти отец Игорь принял монашеский постриг с именем Георгий. Вечером того же дня в его палате с ним разговаривали Василий Васильевич и Максим Вениаминович.

– Заклинаю вас, возлюбленные братья мои, оставьте препирательства и доведите начатое дело до конца.

Новодворского коробил такой пафос. Слышал он много о православных, но такого Средневековья и представить себе не мог.

– Целуйте крест.

– Мы же неверующие! – взмолился Василий Васильевич.

– Это вам кажется. Сделайте шаг к правде, и пребудет на вас благодать.

Они переглянулись и сделали шаг.

Из больницы ехали вместе, в одной машине. Василий Васильевич перестал чураться Новодворского.

– Шаг сделан, и что теперь? Есть у нас шанс выполнить обещание?

– Шанс есть, не знаю только, одобрил бы такое решение проблемы отец Георгий. Забелин же одобряет. Намаялся он у вас.

– Это комплимент?

Огни большого города трассировали очередями за стёклами автомобиля, как будто отстреливались от мыслей обоих пассажиров.

– Утро вечера мудренее. Давайте встретимся завтра, и я вам всё расскажу.

– По мне зона плачет, не может долго без меня. Я должен к шести утра туда награться.

– Завидное чувство юмора у вас, Василий Васильевич! – Новодворский от души засмеялся.

– Выкладывай.

– Как-то вы пугали отца Георгия, что переведёте Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ. Было? Ну, так переведите.

– Зачем?

– Там же нет традиции не отпускать по УДО. Конечно, Забелин поедет домой не с парадного входа, а скорее с чёрного выхода, но, знаете, он своим добрым именем не так уж и дорожит, будет рад и этой лазейке.

Василий Васильевич лихорадочно соображал, как спасти честь мундира. И сказал, наконец:

– Я сам про такой расклад думал, но ведь отец Игорь хотел полного оправдания.

– Отец Георгий идеалист. Нельзя оставлять волков в дураках. Надо и овцу спасти, и их оставить сытыми. И покончим с этим.

– Вы часом не тайный агент ордена иезуитов?

С того вечера Василий Васильевич и Максим Вениаминович стали друзьями, и их дружба уже не прерывалась никогда. Следующий раз они встретились через неделю, на скромных похоронах священноиннока

Георгия, у кирпичной стены городского кафедрального собора. Чин погребения совершал отец Донат. Новодворский тогда первый раз в жизни осознанно и искренне осенил себя крестным знамением. Прощаясь после поминок, Василий Васильевич сказал, что к этапированию Забелина всё готово, с тамошним начальником, давнишним знакомцем, всё обговорено. Забелин скоро поедет за полярный круг и максимум через год – домой. И, помявшись, добавил:

– С твоим гонораром, Максим, не знаю, что делать. Подождёшь?

– Да ты что, товарищ подполковник? Отец Георгий, ещё будучи отцом Игорем, всё мне перечислил, – не задумываясь, соврал Новодворский. – Не парься.

– Да? – неподдельно изумился Василий Васильевич, – Что ж он мне ничего не сказал?

* * *

Однажды отец Вячеслав оцепенел от страшной догадки. Больше года потом он просыпался в поту почти каждую ночь. Истово молился за раба Геннадия, готов был своей бессмертной душой пожертвовать ради его спасения. Епископ Аркадий, выслушав ещё одну исповедь, отставил его от службы в тюремном храме, но сан сохранил. И даже сделал его благочинным в окрестностях областного центра, надеясь новыми заботами отвлечь от окончательного сокрушения. Геннадий Николаевич заметил в отце Вячеславе какое-то изменение, но незначительное. Внуки-близнецы росли, и к тому дню, когда Геннадий Николаевич стал генералом, в церковь с бабушкой уже не ездили. Новоиспечённый генерал любил их и гордился ими. И всю свою большую семью. И в заботах о ней даже не вспоминал о том, что так терзало отца Вячеслава. Дружить они продолжали.

Неласково встретила малая родина Сергея Забелина. Ростгвардейцы в медицинских масках остановили его на привокзальной площади и, разглядывая его справку об освобождении, долго решали, отправлять его в карантин или нет. Как прибывшего из другого региона, отправили. В неотопливаемом загородном профилактории он промёрз и проголодал две недели. Вернувшись в город, долго не мог сообразить, что делать дальше. Ноги сами вели его куда-то по пустынным улицам какого-то постапокалиптического знакомого и незнакомого города.

Вечером он спросил у дебелой и грузной женщины с кожей цвета пшеничного теста:

– Тебе удалось опубликовать рукопись?

– Нет, – горько усмехнувшись, ответила она, – когда было совсем плохо, мама сдала её в макулатуру.